

Джулиан Корбетт

ВЕЛИКИЕ МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ XVI—XIX ВЕКОВ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Джулиан Корбетт Великие морские сражения XVI–XIX веков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618235

Великие морские сражения XVI—XIX веков: ЗАО Центрполиграф;

Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4340-2

Аннотация

Известный исследователь Джулиан Корбетт в своей работе, посвященной британскому военно-морскому флоту XVI–XIX веков, рассказывает об особенностях профессиональной подготовки военных и политических событиях, позволивших Великобритании надолго занять лидирующую позицию в военных столкновениях на море. В книге представлены тактические и стратегические принципы знаменитых адмиралов – Нельсона, Роднея, Хока и других выдающихся личностей Соединенного Королевства. Это фундаментальное историческое исследование дает исчерпывающие ответы на спорные вопросы в отношении военной интервенции, методов осуществления господства, а также основных различий в ведении войны на суше и на море.

Содержание

Введение	4
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джулиан Корбетт Великие морские сражения XVI–XIX веков

Введение ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЙНЫ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЙНЫ

На первый взгляд ничто не может быть более бессмысленным, чем теоретическое изучение войны. Есть даже некий антагонизм между складом ума, тяготеющим к теоретическому руководству, и тем, что создан для успешного претворения теории в жизнь. Ведение войны определяют такие составляющие личности, как характер, здравый смысл, способность быстро принимать решения с учетом сложных и постоянно меняющихся факторов. Сами эти факторы настолько многочисленны, неосвязаемы и зависимы от разного рода условий, что не представляется возможным свести их к чему-то, даже отдаленно напоминающему научный анализ. Ес-

ли речь заходит о теории, или «науке», войны, на ум постоянно приходят хорошо известные случаи, когда весьма образованные офицеры оказывались несостоятельными в роли командиров. С другой стороны, никто не станет отрицать тот факт, что после того, как великие теоретики начала XIX века создали теорию войны, она приобрела небывалую точность и определенность, так необходимую для успешного управления. Стоит также принимать во внимание, что самые успешные полководцы придавали огромное значение трудам классиков стратегии.

Истина заключается в том, что недоверие к теории – результат неправильного представления о ее предназначении. Она не претендует на определение правил ведения боевых действий, а лишь увеличивает их эффективность. Ее основная практическая ценность заключается в помощи способному человеку расширить свои перспективы; с ее помощью он может приобрести уверенность в успешном практическом применении. Владеющий теорией своего плана командир сможет быстрее и с большей определенностью учитывать все факторы, влияющие на возникновение непредвиденных ситуаций. Величайший из теоретиков был весьма откровенен в своих высказываниях. О теоретическом изучении он говорил следующее: «Оно должно развивать ум человека, которому предназначено стать полководцем, или даже сподвигать его к самообразованию, но не должно сопровождать его на поле боя».

Но польза теории ни в коей мере не ограничивается воздействием на возможности полководца. Если он способен принимать правильные решения – прекрасно, но недостаточно. Его подчиненные должны моментально схватывать суть его решения и иметь возможность претворить его в жизнь с помощью согласованных действий. Для этого все они должны научиться мыслить в той же плоскости. Приказ командира должен стимулировать в каждом из них одинаковый мыслительный процесс, его слова должны иметь для всех один и тот же смысл. Если бы тактическая теория существовала в 1780 году и капитан Каркетт был бы большим специалистом в этой области, возможно, он бы правильно понял сигнал Роднея¹. На самом деле истинное значение сигнала было не совсем понятно, и отказ Роднея разъяснить тактический механизм, который он использовал, лишил его страну победы в тот момент, когда она была в высшей степени необходима². Не было необходимой теоретической подготовки, чтобы ликвидировать промах, и грандиозные планы Роднея остались непонятными для всех, кроме него самого.

Нельзя сказать, что теория необходима только для солидарности между полководцем и его подчиненными. Она ско-

¹ Родней Джордж Брайджес (1718–1792) – английский адмирал. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. пер.)

² Очевидно, речь идет о сражении, состоявшемся 17 апреля 1780 года между англичанами и французской эскадрой контр-адмирала де Гишена. Оно имело место между островами Доминика и Мартиника. Замысел Роднея поставить 2/3 неприятельского флота под удар всего английского так и не был осуществлен.

рее важна для формирования аналогичной солидарности вне боя. Нередко офицерам приходится безропотно соглашаться на участие в нерационально спланированных кампаниях только из-за отсутствия убедительных контраргументов. Более того, государственные деятели и офицеры, даже тесно и гармонично сотрудничающие, часто не могут выработать четкий план военных действий только из-за неспособности подвергнуть научному анализу определенную ситуацию и оценить характер борьбы, в которую им надлежит вступить. Стоит ли ожидать, что характер военных действий будет оценен современниками так же объективно, как его увидят по прошествии многих лет. Поначалу случайным факторам обычно придается слишком большое значение, и они скрывают за собой истину. Эта ошибка, скорее всего, неизбежна, но теоретическое исследование может свести ее негативные последствия к минимуму. Да и нет другого средства, с помощью которого можно было бы спрогнозировать, какие недочеты увидят потомки. Теория, по сути, это вопрос, требующий вдумчивого рассмотрения. Ее практическое применение в итоге зависит от комбинации человеческих качеств, которые определены как исполнительские способности.

Все великие военные деятели в той или иной степени признавали теорию, но главные, или, по крайней мере, некоторые из них, после многих лет службы, придавали ей огромное значение. Клаузевиц в своем труде «О войне» писал, что в реальных операциях люди руководствуются исключитель-

но собственным суждением, которое оказывается более или менее правильным, в зависимости от их одаренности. Так поступали все великие генералы. Так всегда будет происходить во время таких боевых действий, когда своего мнения вполне достаточно. Но если речь идет не о личном участии в сражении, а о том, чтобы убедить в чем-то, к примеру, членов правительства, тогда все зависит от четких концепций и ясного изображения той или иной взаимосвязи. В этом отношении прогресс настолько незначителен, что большинство рассуждений есть всего лишь словесные споры, не имеющие под собой прочной основы и оканчивающиеся либо тем, что все стороны остаются при своем мнении, либо компромиссом, достигнутым благодаря взаимоуважению, иначе говоря, средним курсом, не имеющим действительной ценности.

Автор неоднократно принимал участие в подобных дискуссиях. Четкое понимание идей и факторов, вовлеченных в проблему войны, и определенное выражение связей между ними были в его глазах лекарством от бессмысленных споров, и именно оно называется теорией или наукой войны. Это процесс, с помощью которого координируются идеи, определяются значения используемых терминов, обозначается разница между главными и второстепенными факторами, а также фиксируется важная информация, не подлежащая обсуждению. Таким образом, создается аппарат для дискуссий, обеспечиваются средства для придания факторам удобной для оперирования ими формы, чтобы на их ос-

новании можно было точно и быстро составить план действий. Без подобного аппарата даже два человека не смогут мыслить в одном направлении и прийти к соглашению.

В данном случае мнение о значении стратегической теории имеет особую важность, и его масштаб намного больше, чем могут представить его континентальные сторонники. Для мировой морской державы успешное ведение войны часто зависит не только от решений своего правительства, но также от исхода совещаний во всех частях света между командирами эскадр и местными властями, и военными, и гражданскими, и даже между командующими смежными базами. Во время войны, затрагивающей интересы империи, или в процессе подготовки к ней все действия должны основываться на взаимосвязи военно-морских, военных и политических соображений. Некая средняя линия, обозначенная дома, должна дорабатываться на местах сражений, с учетом местных факторов. Обмен мнениями всегда необходим, а чтобы он был конструктивным, должно существовать общее средство выражения и общая плоскость мысли. Эту жизненно важную подготовку и обеспечивает теория; в этом же заключается ее практическая значимость для всех, кто берет на себя ответственность на службе империи.

Причем значение абстрактных стратегических исследований с этой точки зрения настолько велико, что следует избегать их неоправданно завышенной оценки. Классические стратеги прекрасно знают об отсутствии у своей так назы-

ваемой науки больших возможностей и постоянно указывают на опасность требования от нее того, что она дать не в состоянии. Они даже не употребляют само слово «наука», предпочитая более старый термин «искусство», и не допускают точной формулировки законов стратегии. Подобные законы, по их мнению, могут лишь ввести в заблуждение на практике, поскольку противодействия, которым они подвержены благодаря одним только непрогнозируемым человеческим факторам, чрезвычайно сильны. У юристов бытует поговорка, гласящая, что ничто не вводит в заблуждение сильнее, чем узаконенная максима. Но стратегической максиме, несомненно, в действии следует доверять еще меньше.

Резонный вопрос: какие же тогда осязаемые результаты можно получить благодаря теории? Если все, на чем нам приходится основываться, настолько неопределенно, как же сделать надежные выводы? То, что факторы бесконечно меняются и трудно поддаются определению, – правда, но следует помнить, что это только подчеркивает необходимость максимально твердых и определенных (насколько это возможно в конкретной ситуации) позиций. Чем более неясной представляется проблема, которую следует решить, тем больше решимости следует проявить в поиске отправных точек для начала действий, постоянно памятуя о возможных случайностях и их пагубном влиянии. И здесь на помощь приходит теоретическое изучение стратегии, которое может дать, по крайней мере, некую среднюю величину. Тщатель-

ное сопоставление событий прошлого показывает, что определенные линии поведения обычно дают определенный результат. Войны имеют тенденцию к принятию определенных форм с ярко выраженными отличительными особенностями, но эти формы обычно связаны с целью войны и ее значением для одной или обеих воюющих сторон. Методы боевых действий, подходящие для одной формы, могут быть неприемлемы для другой. Можно пойти еще дальше. Использование исторического и сравнительного методов дает вывод, что и человеческий фактор не так уж ненадежен. Можно утверждать, что определенные ситуации приводят либо нас, либо наших противников в определенное моральное состояние, и на этом можно основываться, производя разного рода расчеты.

Определив среднюю величину, легко сразу оказываться в более выгодном положении. С ней можно сравнить любое предложение, после чего прямо переходить к обсуждению весомости факторов, побуждающих к отклонению от этой величины. Любое дело следует рассматривать с точки зрения его достоинств. Но без некоего ориентира, от которого можно отталкиваться, нереально составить обоснованное суждение – остается только делать предположения. Конечно, в каждом случае будет наблюдаться большее или меньшее отклонение от средней величины, ведь самыми большими военными успехами были максимальные отклонения от нее. Но по большей части эти отклонения были иницииро-

ваны гениями, которые пошли на это с открытыми глазами, увидев в сложившихся обстоятельствах достаточную причину для такого поступка.

Если взять аналогичный пример, то область стратегической теории сразу станет ясной. Навигации и относящимся к ней элементам сферы мореплавания приходится иметь дело с такими же многочисленными и ненадежными явлениями, как и ведению войны. Вместе они образуют искусство, которое, как и полководческое, всецело зависит от суждения отдельных индивидуумов. Законы штормов и приливно-отливных явлений, ветров и течений, а также всей метеорологии подвержены бесконечному числу случайных воздействий, но кто в наши дни станет отрицать, что благодаря теоретическому исследованию таких вещей искусство мореплавания стало намного надежнее? Такое изучение само по себе не сформирует моряка или штурмана, но без него современный мореплавателю не сможет качественно выполнять свою работу. Несмотря на то что шторма не похожи один на другой, а течения и вовсе иногда ведут себя непредсказуемо, нельзя утверждать, что изучение нормальных условий бесполезно для принятия практических решений.

Если применить такой же подход к стратегии, иначе говоря, если ее рассматривать не как замену суждению и опыту, а как средство сделать и то и другое более продуктивным, это никому не принесет вреда. Личное мнение и здравый смысл останутся хозяевами положения и помогут продвинуться в

верном направлении, когда обилие фактов приведет в замешательство. Теория предостережет, если наметится поворот с проторенной колеи, позволит принять решение, необходимое и оправданное. Когда же начнется обсуждение «в верхах», она поможет удержать решение в определенных рамках.

Однако, помимо изложенного, в военной теории есть еще один момент, имеющий особое значение для морской державы. Принято, частично из-за удобства, а частично из-за отсутствия навыков научного мышления, говорить о морской и военной стратегиях, как будто это совершенно разные отрасли знаний, не имеющие общей платформы. Именно военная теория выявляет их тесную связь. Она показывает, что использование обеих – более масштабная стратегия, рассматривающая армию и флот как одно оружие, координирующая их действия и вырабатывающая курсы, по которым армия и флот должны двигаться, чтобы максимально реализовать свою мощь. Такая стратегия подтолкнет к обозначению функций армии и флота в войне, позволит каждой части вооруженных сил верно оценить ограничения и возможности приписываемых ей функций, осознать, когда следует поступиться собственными интересами ради высших или более срочных нужд другой. Иначе говоря, не приходится сомневаться, что военно-морская стратегия существует не сама по себе, что ее проблемы редко решаются (а то и вовсе никогда), руководствуясь только соображениями, связанными с фло-

том. Она является частью общей морской стратегии – более масштабного учения, которое утверждает, что для успешного ведения войны и полной реализации возможностей морской державы ее армия и флот должны рассматриваться и использоваться как инструменты, не менее тесно связанные между собой, чем части сухопутных вооруженных сил.

По этой причине вряд ли стоит рассматривать военно-морскую стратегию иначе, чем в непосредственной взаимосвязи с общей теорией войны. Иначе невозможно понять, каковы ее истинное значение и факторы, на нее воздействующие.

Часть первая

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Глава 1

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Итог работы любого исследователя – подробная карта местности, на которой он путешествовал. Но для тех, кто после него приступал к работе в той же области, эта карта – первое, с чего следует начать. Так же и со стратегией. Прежде чем начать ее изучение, необходимо найти карту, которая сразу покажет участок для исследования и основные черты, определяющие его форму и характеристики. Такую карту может дать только «теория войны». По этой причине, исследуя войну, нужно овладеть основами теории, а уж потом пускаться на поиски практических выводов. Война настолько сложна и многогранна, что без такого руководства есть риск заплутать среди дорог, на каждом шагу изобилующих препятствиями. Если значение стратегии и в сухопутной войне не подвергается сомнению, то в войне на море, где условия стократ сложнее, нужда в ней еще более велика.

Морская стратегия – комплекс принципов, которыми определяются военные действия. Основным фактором в

данном случае является море. Военно-морская стратегия – есть ее часть, определяющая движение флота, в то время как морская стратегия определяет, какую роль флот должен сыграть в связи с действиями сухопутных сил. Вряд ли стоит отдельно упоминать о том, что ведение войны при помощи одних только военно-морских сил практически невозможно. Без соответствующей помощи давление с моря может оказывать только негативное влияние. Его эффект обычно медленный и неприятный как для торговли, так и для нейтралов, и поэтому всегда существует тенденция принять условия мира, весьма далекие от желаемых. Для твердого решения необходимо более интенсивное давление. Поскольку люди живут на земле, а не в море, большие разногласия между воюющими народами всегда решались – за исключением разве что редчайших случаев – тем, что армия может совершить на вражеской территории, или страхом перед тем, что флот даст ей возможность совершить.

Таким образом, главная забота морской стратегии – определить взаимоотношения армии и флота в войне. Когда это сделано, и ни в коем случае не раньше, наступает очередь военно-морской стратегии разработать способ, с помощью которого флот может наилучшим образом выполнять свои функции.

Проблема такой координации допускает множество решений. Может статься, что ввиду первостепенной срочности и огромной важности задач флота армии придется по-

святивать себя помощи флоту, прежде чем начать непосредственные действия против наземных сил противника. С другой стороны, может случиться так, что первейшей задачей флота будет способствовать военным действиям на берегу, и только потом приступить к уничтожению вражеского флота. Максимы, касающиеся определения первоочередных целей, успешно работавшие в сухопутной войне, никогда не действовали так же хорошо, когда важным фактором войны становилось море. В таких случаях уже недостаточно утверждать, что первоочередная цель армии – уничтожить вражескую армию, а флота – уничтожить вражеский флот. Тонкое взаимодействие наземных и морских факторов создаст условия слишком запутанные для столь прямолинейных решений. Даже начальные «уравнения» оказываются слишком сложными, чтобы свести их решение к простому применению готовых максим. Их правильное решение зависит от фундаментальных принципов войны, и для определения позиции, с которой хорошо видны все факторы и их истинные взаимоотношения, решающее значение имеет теория.

Теория, которая сегодня прочно удерживает свои позиции, заключается в том, что война в фундаментальном смысле есть продолжение политики с помощью других средств. Процесс, в результате которого континентальные стратеги пришли к этому выводу, включал ряд сложных философских рассуждений. Создатели теории были достаточно опытными, но их метод не принадлежит к легко воспринима-

емым. Поэтому лучше сначала попытаться представить их выводы в конкретной форме, что сразу сделает понятной суть дела. Рассмотрим, например, обычный случай, когда военно-морскому или морскому штабу поручено подготовить план военных действий против определенного государства и дать рекомендации по поводу средств его осуществления. Очевидно, что возникнет следующий вопрос: какова цель войны? Без определенного или альтернативных ответов на этот вопрос штаб вряд ли сможет сделать больше, чем порекомендовать сделать вооруженные силы, которые страна может себе позволить, наиболее эффективными. Прежде чем предпринять дальнейшие шаги, разработчикам необходимо понять множество вещей. Они должны знать, есть ли расчет на получение чего-то от противника, или необходимо не допустить, чтобы он что-то получил от данной страны или любого другого государства. Если от другого государства, то необходимые меры должны основываться на его географическом положении и относительной мощи – сухопутной и морской. Даже если цель ясна, необходимо знать, насколько большое значение ей придает противник. Станет ли он сражаться за нее насмерть или откажется от этого сравнительно легко? В первом случае нельзя надеяться на победу, не сломив полностью сопротивление противника, во втором – достаточно нацелиться на что-нибудь менее дорогостоящее и опасное, предпочтительно находящееся в пределах досягаемости. Все эти вопросы находятся в компетенции мини-

стров, отвечающих за внешнюю политику страны, и прежде, чем штаб перейдет к планированию военных операций, на них должны быть даны ответы.

Короче говоря, штаб должен задать вопрос: какую политику проводит ваша дипломатия и где и почему вы ожидаете ее крушения, которое вынудит взять в руки оружие.

Военный штаб должен продолжать работать, когда дипломаты окажутся неспособными получить желаемое, а используемые им методы будут зависеть от природы поставленной цели. Вывод: война есть продолжение политики, форма политического взаимодействия, важной составляющей которой является сражение.

Именно эта теория, на первый взгляд простая и бессмысленная, дала ключ к практической работе, направленной на формирование современных военных планов, и совершила революцию в изучении стратегии. Она появилась только в начале XIX века. Долгое время люди писали об искусстве войны, но из-за отсутствия исправно работающей теории их труды оставались ненаучными, посвященными в основном проблемам сиюминутным и весьма банальным. Правда, были довольно неплохо проработаны мелкие детали, но не был выработан перспективный взгляд на проблему в целом, который позволил бы определить отношение деталей к фундаментальным постоянным величинам рассматриваемой проблемы. Еще не была найдена точка отсчета, благодаря которой можно было бы отделить основополагающие факторы от

случайных. Результатом стала тенденция ставить во главу угла только последние примеры и ошибочно применять методы, позволившие достичь недавнего успеха, к войне в целом. Не существовало средств для определения того, чему обязан конкретный успех – сложившимся специфическим обстоятельствам или факторам, общим для всех войн.

Революционные и Наполеоновские войны совпали с периодом философской активности, который обнажил поверхностность и эмпирическую природу всего, что было сделано до этого времени. Наполеоновские методы, по мнению его современников, произвели переворот в ведении наземной войны, которое приобрело совершенно новый аспект, и стало очевидно, что концепции, вполне приемлемые ранее, стали совершенно нежизнеспособны в качестве базы для глубокого исследования. Создалось впечатление, что война на суше изменилась. Теперь она стала не просто ударом и отражением атаки регулярных армий, а стремительным нападением одной вооружившейся нации на другую, когда каждая жаждет крови другой и стремится уничтожить противника или погибнуть. Люди оказались свидетелями высвобождения человеческой энергии, которая не имела аналогов, по крайней мере в цивилизованные времена.

Предположение не было до конца верным. Ведь если континент раньше действительно не применял упомянутые методы, Англия не была с ними совсем уж незнакома, идет ли речь о суше или о море. Как станет ясно впоследствии, ре-

волюция XVII века дала Англии активные методы ведения войны, тесно связанные с теми, которые принял на вооружение Наполеон от лидеров французской революции. Философский взгляд мог бы допустить предположение, что явление не было исключительным, а наоборот, вполне естественным выходом человеческой энергии, инициированным вдохновляющим политическим идеалом. Но британский прецедент был забыт, и возбуждение, вызванное новыми французскими методами, оказалось настолько глубоким, что его влияние до сих пор имеет место быть. Некоторые специалисты склонны утверждать, что сейчас существует только один способ ведения войны – наполеоновский. Игнорируя тот факт, что Наполеон в итоге потерпел поражение, они называют ересью даже само предположение, что могут существовать и другие способы. Они не удовлетворяются заявлением, что наполеоновская система подходит ко всем войнам, как бы сильно ни различались их характеры и цели, и насильственно обряжают в ту же форменную одежду и войну на море, полагая, очевидно, что тем самым делают ее презентабельной и придают ей новую силу.

Видя, насколько ограниченной стала наполеоновская идея, было бы удобнее, прежде чем двигаться дальше, точно определить ее особые характеристики, но это не так легко. Подходя к ней с критических позиций, можно увидеть только расплывчатой и не поддающейся определению. Вполне реально с некоторой натяжкой выделить четыре идеи, пе-

реплетенные в современном представлении. Во-первых, это идея ведения войны силами не только регулярной армии, но и всего вооружившегося народа – концепция, которая, по сути, вовсе не была наполеоновской. Он получил ее в наследство от революции, хотя в действительности она была намного старше. Это было возрождение популярной практики, возникшей на раннем этапе социального развития, от которой все нации поочередно отказались, как от экономически не обоснованной и опасной. Результаты этого отказа были иногда хорошими, иногда плохими, но определяющие условия отличались несовершенством. Во-вторых, существует идея активных усилий – не останавливаться, чтобы закрепить каждое мелкое достижение, и гнать врага без перерыва и отдыха, пока он не будет окончательно разбит, – идея, которой Кромвель опередил Наполеона на полтора века. Мало отличается от нее и третья идея – о переходе в наступление. В ней нет ничего нового, поскольку ее преимущества всегда были понятны, и Фридрих Великий постоянно пользовался ею почти с тем же бесстрашием, что и сам Наполеон – даже с заслуживающим порицания безрассудством, как признают высокопоставленные сторонники наполеоновских идей. И наконец, существует идея о превращении вооруженных сил противника, а не территории его государства или его части, в главную цель. Это, вероятно, может рассматриваться как самая значительная характеристика наполеоновских методов. Здесь нас вводит в заблуждение

тот факт, что, несомненно, в особых случаях, таких как, например, аустерлицкая кампания, Наполеон делал своей целью вражескую столицу, как будто верил, что ее оккупация является наиболее важным шагом в отношении ликвидации вражеских сил и воли к сопротивлению. Он определенно не считал своей первоочередной целью главную армию противника, ведь основной была армия не Мака, а эрцгерцога Карла.

В общем, когда говорят о наполеоновской системе, имеется в виду две группы идей: в одну входит концепция войны, которая ведется силами всей нации, в другую – идея Кромвеля о продолжительном усилии, предпочтение, отдаваемое Фридрихом наступлению, практически любой ценой, и, наконец, идея о вражеских вооруженных силах как главной цели, которая также принадлежала Кромвелю.

Именно комбинация этих, несомненно, оригинальных идей привнесла в ход ведения военных действий настолько радикальные изменения, что, кажется, война стала другой. В данном случае нет необходимости выяснять, насколько факты подтверждают этот вывод. Учитывая природу вещей, он должен быть ошибочным. Неужто война или что-либо другое могут поменять свою суть? Если создается именно такое впечатление, значит, случайности путают с закономерностями, что нередко было свойственно величайшим мыслителям наполеоновских времен.

На какое-то время, судя по всему, они зашли в тупик, но,

очистив свои умы от грохота сражений, в которых они принимали непосредственное участие, эти люди ясно увидели, что новые явления, по сути, являются случайными. Они осознали, что наполеоновские методы, взявшие мир штурмом, были успешными только в войнах определенного характера, а когда полководец решил применить их в войнах другого плана, он потерпел неудачу. Чем это можно объяснить? Какая теория, например, смогла бы охватить наполеоновские успехи в Германии и Италии, а также неудачи в Испании и России? Если же изменилась концепция войны в целом, как можно объяснить успех Англии, которая не меняла свои методы? Ответ на эти вопросы чрезвычайно важен. Наша точка зрения осталась неизменной. Есть ли нечто неотъемлемое в концепции войны, оправдывающее подобное отношение в нашем случае? Имеем ли мы право и в будущем ожидать такого же успеха?

Первым человеком, сформулировавшим теорию, объясняющую явления Наполеоновской эпохи, был генерал Карл фон Клаузевиц, человек, чья ревностная служба и преподавательская работа отразили необходимость систематизации исследований в его профессиональной области. Он был не просто профессором, а солдатом, получившим образование в суровой школе войны. Ученик и друг Шарнхорста и Гнейзенау, он служил в штабе Блюхера в 1813 году, был начальником штаба корпуса Л. Вальмодена во время его кампании против Даву на нижней Эльбе и 3-го прусского армейского

корпуса в кампании 1815 года. После этого он был директором Всеобщего военного училища в Берлине и умер в 1831 году, занимая должность начальника штаба армии маршала Гнейзенау. В течение пятидесяти лет после его смерти его теории и система подверглись, как он и ожидал, нападкам со всех сторон. Однако сегодня его работы являются основой стратегической мысли, и прежде всего в Германии, прошедшей школу «крови и железа».

Процесс, с помощью которого Клаузевиц пришел к своей знаменитой теории, прослеживается в его известной работе «О войне». В соответствии с философской модой своего времени он начал с попытки сформулировать абстрактную идею войны. Первым было определение: «Война есть акт, призванный заставить нашего противника выполнить нашу волю». Но этот акт насилия был не просто «столкновением армий», как полтора века назад его определил Монтекуколи³. Если проанализировать абстрактную идею войны, то по логике акт насилия должен быть осуществлен с помощью всех средств, имеющихся в нашем распоряжении и при максимальном напряжении воли. В результате мы получаем концепцию двух вооруженных наций, напавших друг на друга и продолжающих борьбу с максимальной силой и энергией до тех пор, пока одна из них не оказывается неспособной к дальнейшему сопротивлению. Это Клаузевиц назвал «абсолютной войной». Но богатый практический опыт и система-

³ Монтекуколи Раймунд (1609–1681) – знаменитый австрийский полководец.

тическое изучение истории подсказали ему, что «реальная война» есть нечто совершенно иное. Он утверждал, что наполеоновские методы действительно приблизились к абсолютным и придали немного цвета использованию абсолютной идеи как рабочей теории. «Но должны ли мы, – спрашивает он, – удовлетвориться этой идеей и применять ее ко всем войнам, какой бы характер они ни носили? Должны ли мы вывести из нее все, что требуется от теории? Это следует решить, потому нельзя ничего с уверенностью сказать о военном плане, не осознав, должна ли война быть только такого типа, или она может быть и другой». Клаузевиц сразу понял, что теория, сформированная вокруг абстрактной или абсолютной идеи войны, будет ограниченной, а значит, не сможет дать все, что требуется для практических целей. Она исключит почти все войны, которые велись со времен Александра Македонского до эпохи Наполеона. И где гарантия, что следующая война будет строго соответствовать наполеоновскому типу и впишется в абстрактную теорию? «Эта теория, – писал он, – совершенно бессильна против обстоятельств». Так оно и было, и войны середины XIX века действительно вернулись к донаполеоновскому типу.

Если коротко, трудность Клаузевица в принятии его абстрактной теории в качестве рабочего правила заключалась в том, что он учитывал следующее: война не началась с началом революционной эпохи и вряд ли закончится вместе с ней. Если эта эпоха изменила характер войны, следует пред-

положить, что война изменится с приходом новых времен и формированием других условий. Теория войны, не предусматривающая этого и не включающая все, что было ранее, и не теория вовсе. Если теория войны призвана использоваться в практических целях, она должна охватывать и объяснять не только высшее проявление враждебности, которому Клаузевиц лично был свидетелем, но также каждое проявление, случившееся ранее или которое может произойти в будущем.

Обдумывая основные причины колебаний в энергии и интенсивности враждебных отношений, Клаузевиц нашел решение. Большой опыт штабной работы и длительное изучение внутренних течений войны подсказали ему, что война никогда не была вопросом, исключительно нацеленным на высшую степень возможного боевого плана. Проявленная энергия всегда корректируется политическими соображениями и глубиной национальных интересов в цели войны. Он видел, что реальная война была в действительности международной связью, которая отличалась от других международных отношений только методом, принятым для достижения политической цели. Так он пришел к своей знаменитой теории, гласящей: война есть продолжение политики другими средствами.

На первый взгляд в ней нет ничего особенного. Но только на основе такой простой и даже очевидной формулы может быть построена грамотная научная система. Нам стоит толь-

ко детально рассмотреть ее значение, чтобы увидеть, какие важные практические советы можно из нее почерпнуть.

Вооружившись концепцией войны как продолжения политических взаимоотношений, мы понимаем, что все, лежащее вне политической концепции, то есть все, свойственное строго военным и военно-морским операциям, принадлежит к средствам, которыми мы пользуемся для достижения политической цели. Следовательно, первая составляющая военного плана заключается в том, что используемые средства должны как можно меньше противоречить политическим предпосылкам войны. Конечно, на практике, как и в человеческих взаимоотношениях, будет достигнут компромисс между средствами и целью, между политическими и военными крайностями. Но Клаузевиц считал, что политика всегда должна занимать главенствующее положение. Офицер, который ответственен за ведение войны, может, конечно, потребовать, чтобы политические тенденции и взгляды не оказывали значительного влияния на военные средства, находящиеся в его распоряжении. Но, хотя такое требование может в отдельных случаях довольно сильно воздействовать на политику, военные действия всегда должны рассматриваться только как выражение этой политики. Они не должны ее опережать. Политика – цель, а война – средство, с помощью которого мы этой цели достигаем, и средства всегда должны быть неразрывно связаны с целью.

Практическая важность этой концепции теперь будет яс-

нее. Она позволяет на конкретном примере показать, с чего начать. Когда начальнику штаба поручают подготовить военный план, он не должен отвечать, что мы будем воевать так-то и так-то, потому что это метод Наполеона или Мольтке. Он должен выяснить, каковы политические условия и цель войны и как много поставленный на карту вопрос значит для нас и для наших противников. Именно эти соображения определяют характер войны. Урегулировав этот основной вопрос, он сможет определить, будет ли война того же характера, при котором методы Наполеона и Мольтке являются успешными, или она имеет другой характер, и упомянутые выше методы для нее неприемлемы. Далее он разработает и предложит военный план, и не такой, на котором будет стоять клеймо того или иного великого полководца, а тот, который будет соответствовать предстоящей войне. Предполагать, что один метод ведения войны будет соответствовать всем видам войн, значит пасть жертвой абстрактной теории, а не стать пророком реальности, какими видят себя самые ярые приверженцы наполеоновской школы.

Следовательно, утверждает Клаузевиц, самое первое, величайшее и критическое решение, благодаря которому должны прийти к соглашению государственный деятель и генерал, – это определение характера войны. Они должны быть уверены, что не принимают его ошибочно за другой, не пытаются сделать из него то, чем он в силу своих свойств быть не может. «Это, – заявляет Клаузевиц, – первый из всех

стратегических вопросов, имеющий самые далеко идущие последствия».

Таким образом, его военная теория является ценной, прежде всего, потому, что дает четкое направление, по которому мы можем двигаться, чтобы определить характер предстоящей войны, и убедиться, что не пытаемся навязать конкретному характеру войны специфический характер операций только потому, что они оказались весьма успешными в войне совершенно иного плана. Только рассматривая войну как независимое явление и одновременно политический инструмент, можно извлечь пользу из уроков истории и понять, каковы отличия войн в соответствии с характером мотивов и обстоятельств, в связи с которыми они возникли. Эта концепция, говорит Клаузевиц, является первым лучом света, призванным привести нас к истинной теории войны и, таким образом, помочь нам классифицировать войны и научиться различать их.

Жомини⁴, его великий современник и соперник, использовал менее философский, но не менее четкий метод и полностью поддержал эту точку зрения. Будучи шведским солдатом удачи, он получил почти такой же опыт, как и Клаузевиц. Опыт был получен, главным образом, в штабе маршала Нея и на русской службе. Он не создал фундаментальную теорию войны, однако его основные выводы были теми же.

⁴ Жомини Генрих (1779–1869) – французский и русский военный писатель, военный деятель.

Первая глава его завершающего труда была посвящена «политике войны». В ней он разделил войны на девять категорий согласно их политическим целям. Основным моментом он посчитал то, «что разные виды войн будут иметь большее или меньшее влияние на характер операций, которые потребуются провести, чтобы достичь поставленной цели, на силы, которые придется применить, и на соглашения, в которых мы будем участвовать». Далее он добавил, что будет существовать большая разница в операциях, в зависимости от риска, на который придется пойти.

Оба автора, хотя они зачастую придерживались противоположных взглядов на используемые средства, были согласны с тем, что фундаментальная концепция войны является политической. Они, конечно, были согласны с тем, что, если мы мысленно изолируем силы, занятые на любом театре военных действий, снова появляется абстрактная концепция войны. Если речь идет об этих силах, война – вопрос борьбы, в которой каждая воюющая сторона должна стараться всеми имеющимися в ее распоряжении средствами уничтожить другую. Но даже при этом они могут обнаружить, что некоторые средства остаются для них недоступными по политическим соображениям и в любой момент военная удача или развитие политических событий, с которыми связана война, может отбросить их к фундаментальной политической теории.

Давайте пока остановимся на концепции войны как про-

явлении насилия для достижения политической цели. Из этой широкой и простой формулы следует, что войны будут разными – в зависимости от характера цели и величины желания ее достичь. Теперь можно перейти к анализу практических рассуждений, являющихся ее непосредственным результатом.

Глава 2

ХАРАКТЕР ВОЙН – ВОЙНЫ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ И НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ

Установив, что войны должны отличаться по характеру, в соответствии с природой и важностью их цели, мы оказываемся перед лицом другой проблемы: вариаций может быть бесчисленное множество, причем с самыми разными отличительными признаками. Градация настолько сложна, что на первый взгляд не представляется возможным сделать ее базой практического исследования. Но при более детальном изучении становится ясно, что, применяя обычные аналитические методы, предмет исследования можно значительно упростить. Короче говоря, мы должны разработать некую систему классификации, то есть посмотреть, нельзя ли сгруппировать разные варианты в отдельные хорошо известные категории. Учитывая сложность и неосвязаемость предмета исследования, группировка наверняка получится спорной, да и границы между отдельными группами иногда будут размыты. Но если классификация оказалась возможной и полезной в зоологии и ботанике, где приходится иметь дело с огромным числом незначительных изменений, значит, она вполне реальна и полезна в исследовании войн.

Политическая теория войны, в любом случае, даст нам две обширные и четко обозначенные классификационные группы. Такая группировка проста и хорошо известна. Она производится в зависимости от того, каков характер политической цели войны: позитивный или негативный. Если она позитивна, иначе говоря, если наша цель – отвоевать что-то у врага, тогда наша война будет наступательной, если же мы просто не хотим позволить противнику отвоевать некие преимущества в ущерб нам, тогда война будет оборонительной.

Такая классификация имеет ценность только в глобальном смысле. Она определяет общее направление наших операций, но никак не затрагивает их характер, во всяком случае, в отношении морской державы дела обстоят именно так. Ведь для такой страны ни при каких обстоятельствах невозможно организовать ни оборону, ни наступление, не установив эффективный контроль над морем при посредстве агрессивных действий в отношении вражеского флота. Более того, всегда оказывалось, что, даже если наша цель – только оборона, самые эффективные средства ее осуществления – контрнаступления за морем, либо для оказания прямой поддержки союзникам, либо для лишения противника колониальных владений. Таким образом, ни одна категория не исключает ни наступательные операции, ни идею нанести противнику поражение, чтобы вплотную приблизиться к достижению своей цели. Ни в одном случае концепция не ведет нас в конечном счете к иной цели, помимо вражеских воору-

женных сил, и в особенности военно-морских. Единственная существенная разница заключается в том, что, если наша цель позитивна, генеральный план будет наступательным, и мы, по крайней мере, начнем с масштабного наступления. Если же наша цель является негативной, генеральный план будет иметь предупредительный характер, и мы можем выжидать время для контрнаступлений. В этом смысле наши действия всегда должны иметь тенденцию к наступлению. Контрнаступление – душа обороны. Оборона – это вовсе не пассивное действие, поскольку она есть отрицание войны. Если вдуматься, это настороженное ожидание. Мы ждем момента, когда противник может подставиться под контрудар, успех которого ослабит его настолько, что мы окажемся в выигрышном положении для начала собственного наступления.

Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что, хотя классификация соответствует действительности и вполне логична, давать названия «оборонительные» и «наступательные» нежелательно со всех точек зрения. Для начала, неясно, каковы действительные и логичные отличительные признаки. Классификация предполагает, что ее основой является не столько разница в целях, сколько разница в средствах, используемых для достижения цели. Следовательно, мы окажемся перед необходимостью постоянно бороться с ложным предположением, что позитивная война означает использование наступлений, а негативная – одну только обо-

рону.

Это не может не ввести в заблуждение. Но второе возражение против такого обозначения значительно серьезнее, поскольку следствием является множество ошибок. Дело в том, что классификация «оборонительные» и «наступательные» подразумевает, что оборона и наступление – взаимоисключающие идеи, в то время как истина заключается в том, что они дополняют друг друга. Каждая форма войны является одновременно оборонительной и наступательной. И не важно, насколько ясна наша позитивная цель или как высок наш наступательный дух, – мы не можем развить агрессивную стратегическую линию без поддержки оборонительной почти на всех главных направлениях. В отношении тактики дела обстоят так же. Даже самый убежденный сторонник наступления признает необходимость наличия в своем арсенале и винтовки, и лопаты. Когда же дело доходит до живой силы и материалов, мы знаем, что без определенной степени защиты ни корабли, ни орудия, ни люди не смогут сосредоточить все свои силы на нанесении удара. В действительности нет безоговорочного выбора между атакой и обороной. В агрессивных операциях всегда стоит вопрос, насколько далеко в применяемые нами методы должна проникнуть оборона, чтобы позволить нам максимально использовать имеющиеся ресурсы, чтобы парализовать силы противника. То же самое и в обороне. Даже ее классическое использование предполагает дополнение наступлением. Находясь

внутри крепости, люди знают, что рано или поздно она падет, если только контратака на осадившие крепость отряды или пути подвоза противника не снизит мощь атаки.

Поэтому лучше отказаться от обозначений «оборонительные» и «наступательные», заменив их терминами «позитивные» и «негативные». Но тогда мы вновь сталкиваемся с трудностью. Было много войн, в которых позитивные методы использовались для достижения негативной цели, а такие войны невозможно отнести ни к одному классу. Например, в Войне за испанское наследство нашей главной целью было не позволить Средиземноморью стать французским озером, благодаря союзу французской и испанской корон. Но метод, которым мы воспользовались для достижения этой цели, заключался в захвате военно-морских позиций Гибралтара и Менорки, так что на практике наш метод оказался позитивным. Также во время Русско-японской войны главная цель Японии заключалась в том, чтобы не допустить захвата Кореи Россией. Цель была превентивная и негативная. Но единственный эффективный способ ее достижения заключался в захвате Кореи Японией, и потому для корейцев война на практике была позитивной.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что в большинстве войн сторона с позитивной целью действовала в основном в наступлении, а противоположная сторона – в обороне. И хотя различие представляется непрактичным, его невозможно игнорировать, не поинтересовавшись, поче-

му было именно так, и в этом вопросе будут обнаружены практические результаты классификации – она вынуждает нас анализировать сравнительные преимущества наступления и обороны. Ясное понимание их относительных возможностей – краеугольный камень стратегической науки.

Итак, преимущества наступления очевидны и признаны. Только оно может дать положительные результаты, а мощь и энергия, порожденные возбуждением атаки, имеют огромное практическое значение, которое берет верх над всеми другими соображениями. Каждый человек, понимающий важность духовного начала, захочет использовать наступление, независимо от того, является его цель позитивной или негативной. И тем не менее было немало случаев, когда даже самые энергичные полководцы выбирали оборону, и их выбор оказывался верным. Они прибегали к ней, когда уступали противнику в живой силе, и верили, что никакой агрессивный дух не сможет компенсировать недостаток сил.

Очевидно, при всех недостатках обороны как интенсивной формы военных действий, она должна иметь какие-то преимущества, которые отсутствуют у наступления. В войне мы используем все методы, для которых у нас имеется достаточно сил. Если же мы применяем менее желательный оборонительный метод, значит, у нас или не хватает сил для наступления, или оборона дает нам некие специфические преимущества для достижения своей цели.

Каковы же элементы силы? Таким вопросом необходимо

задаться не только для того, чтобы знать, что, если мы вынуждены временно перейти к обороне, это не значит, что все потеряно, но также и для того, чтобы иметь возможность оценить, насколько решительно мы должны действовать в наступлении, чтобы не позволить врагу получить преимущества обороны.

Можно считать общим принципом то, что обладание есть девять десятых успеха. Проще удержать деньги в своем кармане, чем отнять их у другого человека. Если один человек собирается ограбить другого, он должен быть сильнее или лучше вооружен, если, конечно, не намерен прибегнуть к хитрости или ловкости, и здесь мы видим одно из преимуществ наступления. Сторона, берущая в свои руки инициативу, обычно имеет больше шансов закрепить преимущества ловкости или хитрости. Однако это не всегда так. Если на суше или на море мы имеем возможность занять настолько хорошую оборонительную позицию, что ее невозможно обойти, и противнику, чтобы достичь цели, придется идти на прорыв, тогда преимущества ловкости и хитрости переходят к нам. Мы выбираем устраивающую нас территорию для поединка и будем находиться в знакомом месте, а противник — нет. Мы можем создавать ловушки и подготавливать внезапные контратаки, когда противник находится в самом опасном положении. Отсюда и парадоксальная доктрина: там, где оборона крепка и надежна, преимущество внезапности оборачивается против атаки.

Можно доказать, что, какими бы преимуществами ни обладала оборона, они зависят от сохранения наступательного духа. Его суть в контратаке – терпеливом ожидании возможности нанести удар, а не в праздном бездействии. Оборона – это условие ограниченной активности, а не отдыха. Ее главная слабость заключается в том, что, если она затягивается, наступательный дух умирает. Эта истина настолько важна, что некоторые авторитеты, всячески стремясь ее подчеркнуть, переделали ее во вводящую в заблуждение максиму: «Лучшая защита – это нападение». Отсюда и дилетантское мнение о том, что оборона всегда глупа или малодушна, может привести только к поражению и что истинно военный дух возникает только в наступлении. Ничто не может быть дальше от учений и практического опыта великих мастеров военного дела. Как Веллингтон в Торрес-Ведрас⁵, все они периодически использовали оборону до тех пор, пока элементы силы, присущие этой форме войны, в отличие от изматывающего напряжения формы, навязанной ими своим противникам, не поднимали их до положения, в котором они оказывались достаточно сильными, чтобы воспользоваться более изнуряющей формой.

Путаница в мыслях, которая привела нас к неправильно-му пониманию обороны как метода ведения войны, вызвана

⁵ Торрес-Ведрас – город в Португалии в 40 км от Лиссабона. В 1810 году во время англо-португальской войны Веллингтон построил там укрепленный лагерь, оказавшийся непреодолимым препятствием для войска французского маршала Массена.

несколькими очевидными причинами. Контратака с точки зрения общей оборонительной позиции рассматривалась как истинное наступление – например, в известных операциях Фридриха Великого или в операциях Англии против испанской армады. Аналогичный пример – блестящий контрудар адмирала Тегетоффа в Лиссе. Кроме того, оборона приобрела дурную славу, поскольку ее путают с необоснованно сдерживаемым наступлением, когда превосходящей силе с позитивной целью не хватает духа, чтобы использовать свое материальное превосходство с достаточной активностью и настойчивостью. Выступая против этого, более слабый противник всегда может возместить нехватку живой силы и техники, перейдя в быстрое и решительное наступление, тем самым получив импульс – и моральный, и физический, – который с лихвой компенсирует недостающее. Оборона также оказывается слабой, если выбрана неудачная позиция, которую противник может обойти. Оборонительная позиция – это вообще ничто, ее элементы силы полностью исчезают, если только она не организована так, что противник должен сломить ее силой, чтобы добиться своей цели. Она еще чаще оказывается неудачной, когда применяющая ее воюющая сторона, обнаружив, что не может найти позицию, которая преграждала бы противнику продвижение вперед, пытается выставить заслон на всех возможных линиях атаки. В результате силы этой стороны истощаются, и она лишь подчеркивает свою слабость.

Все сказанное выше отразилось в сухопутной войне, однако на море это не так очевидно. Мне возразят, что на море не может быть обороны. Как правило, это действительно так, если речь идет о тактике, да и то не всегда. Оборонительные тактические позиции в море возможны, как и на защищенных якорных стоянках. Так было всегда, а появление мин расширило их возможности. Если говорить о последних событиях войны на море, можно упомянуть о японцах, соорудивших на островах Элиота внушительную оборонительную позицию, чтобы закрыть высадку их 2-й армии на полуостров Ляодун. С точки зрения стратегии утверждение совершенно неверно. Стратегическая оборона всегда существовала и на суше, и на море, и прорвать ее всегда было сложнейшей проблемой. Обычно стратегическая оборонительная позиция означала, что противник остается в своих водах и вблизи своих баз, где для нас почти невозможно его атаковать и рассчитывать на впечатляющий результат. Оттуда он постоянно грозит контратаками в момент наивысшего истощения наших сил. Пример – поведение голландцев в Солебее⁶

⁶ Солебейское сражение 1672 года – первое сражение 3-й англо-голландской войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.